

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ РОССИЯН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)*

*М. С. Астоянц**

ORCID: 0000-0002-0373-7484

** Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования. Выявление специфики реализации инновационного потенциала старшего поколения в практиках социального участия, выступающих креативным ответом на вызовы социальной турбулентности (на материалах сравнительного анализа Юга России и Урала).

Методологическая база исследования. Теоретическая рамка исследования базируется на таксономии социального участия (М. Левассер), дихотомии «креативность — имитация» (Ю. Г. Волков) и теории креативности действия (Х. Йоас). Эмпирическую базу составили результаты анкетного опроса пожилых людей в возрасте от 60 и старше (2023 г., N = 520), проведенного в Ростовской и Свердловской областях.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) в Южном федеральном университете. Рук. проекта Т. С. Киенко.*

© Астоянц М. С., 2026

THE INNOVATIVE POTENTIAL OF SOCIAL PARTICIPATION OF OLDER RUSSIANS IN TERMS OF SOCIAL TURBULENCE (REGIONAL ASPECT)*

*Margarita S. Astoyants**

** Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia*

Objective of the study is to identify the specifics of appreciating the innovative potential of the older generation in social participation practices serving as a creative response to the challenges of social turbulence (based on a comparative analysis of Southern Russia and the Urals).

Methodological basis of the study. The theoretical framework of the study is based on the taxonomy of social participation (M. Lévassieur), the creativity-imitation dichotomy (Yu. G. Volkov), and the theory of creative action (H. Joas). The empirical base consisted of the results of a questionnaire survey of older adults aged 60 and over (2023, N = 520) conducted in the Rostov and Sverdlovsk regions.

** The study is supported by the Russian Science Foundation. Research project No. 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) at Southern Federal University. Project Director T. S. Kienko.*

Результаты исследования. Установлено, что в условиях социальной турбулентности происходит расширение диапазона практик социального участия пожилых людей: от локальной семейной заботы до уровня общественной солидарности. Выявлена региональная дифференциация: в Ростовской области уровень готовности к расширенному социальному участию составляет 94%, в Свердловской — 79%. Доказано, что «низовые» (самоорганизованные) практики выступают формой конверсии накопленного человеческого капитала (замещение дефицита финансов личным трудом и временем) и являются альтернативой социальным имитациям.

Перспективы исследования. Дальнейшее изучение механизмов диффузии и межпоколенческой трансляции опыта социального участия.

Ключевые слова: старшее поколение, социальное участие, инновационный потенциал, социальная турбулентность, социальная креативность, имитационные практики, региональная специфика

Results of the study. In terms of social turbulence, the range of social participation practices of the elderly is expanding: from local family care to the level of social solidarity. Regional differentiation was revealed: in the Rostov region, the level of readiness for expanded social participation is 94%, while in the Sverdlovsk region it is 79%. It has been proven that “grass-roots” (self-organized) practices serve as a form of conversion of accumulated human capital (compensating for financial shortages with personal labor and time) and are an alternative to social imitation.

Prospects of the study. Further study of the mechanisms of diffusion and intergenerational transmission of social participation experiences.

Keywords: older generation, social participation, innovative potential, social turbulence, social creativity, imitation practices, regional specifics

Введение

В условиях социальной турбулентности, характеризующей современный этап развития российского общества (Коленникова, 2023. С. 155), особую значимость приобретает поиск внутренних ресурсов социальной солидарности. В этом контексте особого внимания заслуживает старшее поколение, роль которого традиционно сводилась к объекту социальной опеки.

Сегодня наблюдается явная тенденция к усилению социальной субъектности данной группы. «Третий возраст» перестает восприниматься как период пассивного дожития и становится пространством для реализации активных жизненных стратегий. Речь идет о широком распространении «низовых» практик социального участия, в рамках которых пожилые люди выступают не реципиентами помощи, а активными агентами, конструирующими социальную реальность. Эта активность наиболее рельефно проявилась как ответ на современные вызовы, однако ее природа носит универсальный характер, базируясь на фундаментальной потребности в деятельном участии.

В современном социологическом дискурсе проблема активности пожилых находит свое отражение в концепции активного долголетия (Walker, 2002). Однако реализации субъектности часто препятствуют укоренившиеся стереотипы. Как отмечает К. А. Галкин, в обществе сохраняется тенденция к медикализации старения, когда пожилой возраст рассматривается исключительно сквозь призму биологического увядания и утраты ресурсов (Галкин, 2023. С. 15). Исследователь подчеркивает, что такой подход «замедляет восприятие старения как продуктивного времени и времени возможностей» (Галкин, 2023. С. 15), закрепляя за пожилыми людьми пассивную роль.

Преодоление этого ограничивающего подхода требует смены исследовательской оптики. В современном научном дискурсе появляются исследования, в которых старость и старение рассматриваются как пространство для социальных инноваций, что позволяет выявить новые ресурсы для повышения качества жизни и солидарности общества (Klimczuk, Tomczyk, 2020). Развивая данный вектор, мы предлагаем использовать концепт «инновационного потенциала». Под ним мы понимаем совокупность статусных характеристик, личностных качеств, знаний, умений и ценностных установок, кумулятивно накопленных на протяжении жизненного пути и определяющих способность выступать субъектами социально-инновационной деятельности. В данном случае инновационность понимается не как технологический прорыв, а как способность к социальному творчеству: выходу за рамки привычных стратегий и самостоятельному конструированию практик социального участия, отвечающих на вызовы времени.

Целью данной статьи является выявление специфики реализации инновационного потенциала старшего поколения в практиках социального участия, выступающих креативным ответом на вызовы социальной турбулентности.

Теоретические основания и методы исследования

Методологический конструкт исследования базируется на синтезе социологических подходов к анализу социального участия.

Трактовку этого ключевого понятия мы основываем на междисциплинарном определении, предложенном группой М. Левассер: это вовлеченность человека в активности, обеспечивающие взаимодействие с другими людьми и обществом (Levasseur et al., 2022). Для операционализации мы используем таксономию М. Левассер, выделяющую 6 уровней вовлеченности: от действий, ориентированных на себя (уровень 1) и ближайшее окружение (уровень 3), до участия в жизни сообщества и общества в целом (уровни 4–6) (Levasseur et al., 2010. P. 320). Это позволяет определить актуальный радиус социальной активности пожилых людей в условиях турбулентности: ограничивается ли он семейной сферой (уровень 3) или распространяется на сферу гражданской помощи (уровень 4 и выше). При этом для обозначения

специфики выявленных форм мы используем термин «низовые» практики, понимая под ними те виды социального участия, которые возникают на основе самоорганизации, минуя формальные институциональные фильтры.

Для интерпретации ресурсной базы этой активности мы используем категорию «инновационный потенциал старшего поколения» как совокупности компетенций, жизненного опыта и ценностных установок, накопленных в течение жизни, позволяющих пожилым людям не ограничиваться пассивной адаптацией, а выступать субъектами социального творчества.

Для анализа природы этих действий применяется теоретическая оптика Ю. Г. Волкова — дихотомия «креативность — имитация». В данной концепции имитация связана с производством социальных симулякров, тогда как подлинная креативность понимается не узкопрофессионально (в отличие от подхода Р. Флориды), а как созидательная деятельность, имеющая осязаемый итог. Как отмечает Ю. Г. Волков, «креативность, социальное творчество... начинается и разворачивается там, где человек чувствует удовлетворенность результатами собственной деятельности» (Волков, 2012. С. 47). Мы исходим из того, что «низовые» практики (изготовление вещей, помощь) являются формой такой социальной креативности, так как они нацелены на реальный результат и противостоят формализму.

Наконец, для объяснения механизма возникновения активности мы обращаемся к теории «креативности действия» Х. Йоаса. Согласно его подходу, креативность — это не свойство гениев, а характеристика человеческого действия в ситуации, когда привычные рутинные практики перестают работать. «Мир оказывается источником потрясения нерелексируемых ожиданий... Эта реконструкция есть креативная работа действующего субъекта» (Йоас, 2005. С. 143). Вызовы социальной турбулентности рассматриваются нами как такое «потрясение», запускающее механизм креативной реконструкции жизненных стратегий старшего поколения.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного опроса, проведенного в 2023 году в двух регионах с различной социокультурной спецификой: Ростовской области (Юг России) и Свердловской области (Урал).

Общий объем выборки составил 520 респондентов. Объект исследования — население в возрасте 60 лет и старше. Выборка квотная, репрезентирующая половозрастную структуру пожилого населения регионов и тип поселения (областной центр, малые города, сельская местность). Обработка данных производилась с помощью статистического пакета SPSS. Сравнительный анализ частотных распределений и таблиц сопряженности позволил выявить региональную специфику вовлеченности, а качественный анализ открытых вопросов — определить содержательное наполнение «низовых» практик социального участия.

Результаты

Подробный анализ социально-демографических характеристик респондентов и структуры их ответов представлен в нашей монографии (Социальное участие..., 2024. С. 115–122). Для верификации гипотезы о созидательном (не-имитационном) характере социального участия старшего поколения в условиях турбулентности мы проанализировали общий уровень и региональную специфику установок на социальную солидарность (на основе закрытых вопросов о важности поддержки общества), а также содержательное наполнение этих практик. Для этого был использован блок открытых вопросов, выстроенных по логике «воронки»: от диагностики общественного запроса к оценке ресурсного потенциала возрастной группы и, наконец, к личным стратегиям участия.

Анализ установок на социальное участие выявил показательную дихотомию между сферой частной заботы и общественной солидарности (см. табл. 1).

Таблица 1. Региональные различия доли положительных ответов на вопросы: «Важно ли, на Ваш взгляд, в связи с современной ситуацией в стране принимать участие в оказании поддержки и помощи...» (в %)¹

Регион исследования	...близким людям	...посторонним людям, группам, организациям, государству
Ростовская область	98,8	94,2
Свердловская область	97,3	78,8
По выборке в целом	98,1	86,5

В отношении поддержки «ближнего круга» (семья, родственники) наблюдается полный межрегиональный консенсус: абсолютное большинство респондентов (98,1%) считают такую помощь безусловной нормой вне зависимости от места проживания. Этот результат подтверждает устойчивость традиционных семейно-родственных связей как базового уровня солидарности.

При выходе на уровень широкой общественной поддержки (помощь государству, незнакомым людям) проявляется значимая дифференциация. Если в целом по выборке абсолютное большинство опрошенных (86,5%) разделяют мнение о важности оказания поддержки государству и обществу в текущей ситуации, то сравнительный анализ данных по регионам позволяет говорить о феномене контекстуальной детерминации социальной активности.

В Ростовской области (Юг России) уровень декларируемой готовности к поддержке достигает максимальных значений — 94,2% (сумма положительных ответов). Близость к зоне геополитического напряжения

¹ Источник: авторская разработка.

и непосредственное наблюдение гуманитарных проблем минимизируют «зону неопределенности».

В Свердловской области (Урал) этот показатель ниже — 78,8%, при этом доля респондентов, выбравших вариант «затрудняюсь ответить» или уклонившихся от ответа, здесь вдвое выше, чем на Юге.

Такой разрыв на фоне единства в вопросах семейной помощи доказывает, что фактор географической близости к эпицентру турбулентности выступает катализатором расширения радиуса социального участия, стимулируя переход от локальной заботы к общественной солидарности.

Детализация характера этой поддержки через анализ открытых вопросов, выстроенных по логике «воронки» (от оценки общественного запроса к личным стратегиям), позволила проследить переход от оценки потребности к личному действию (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов о востребованных и возможных видах поддержки в связи с современной ситуацией в стране (в %)¹

Категории поддержки	Запрос общества (Что сейчас нужно?)	Потенциал группы (Что могут пожилые?)	Личная стратегия (Что готов делать / делаю я?)
Материально-финансовая помощь (деньги, продукты, вещи)	46,2	12,4	28,5
Деятельное участие (волонтерство, физический труд)	18,5	24,8	25,2
Морально-смысловая поддержка (наставничество, опыт, молитва, общение)	12,1	58,6	34,6
Затрудняюсь ответить / Иное	23,2	4,2	11,7
Итого:	100,0	100,0	100,0

В оценке социального запроса (вопрос о наиболее востребованной помощи) респонденты демонстрируют высокий реализм. Доминирующей категорией ответов (около 46,2%) является материально-финансовая поддержка. Пожилые люди четко осознают, что в кризисных условиях ключевым дефицитом являются ресурсы жизнеобеспечения. Как отмечают участники опроса: «прежде всего необходима материальная помощь, потому что многие живут трудно», «нужны финансы, продукты, лекарства». Вторая по значимости группа ответов (18,5%) связана с организованным волонтерством

¹ Источник: авторская разработка.

и поддержкой в зоне конфликта («гуманитарная помощь бойцам», «сбор средств на экипировку»). Потребность в морально-психологической поддержке отметили 12,1% опрошенных, а еще около 8% указали на необходимость развития социальной и медицинской инфраструктуры («качественная медицина», «социальное обслуживание»).

При этом в структуре запроса прослеживается региональная специфика: если на Урале преобладает абстрактный запрос на финансовую помощь, то в Ростовской области, находящейся в непосредственной близости к зоне напряжения, ответы носят более предметный характер. Жители Юга чаще указывают на конкретные натуральные формы дефицита: «продукты питания», «теплые вещи», «помощь в расселении беженцев», что свидетельствует о более глубокой погруженности в контекст гуманитарных проблем.

При оценке потенциала собственной возрастной группы (вопрос о том, кому и какие виды поддержки и помощи могут оказать пожилые люди в связи с современной ситуацией в стране) структура ответов кардинально меняется и демонстрирует высокую степень межрегионального единства. Вне зависимости от места проживания респонденты совершают смысловой сдвиг, компенсируя нехватку финансов (лишь 12,4% указали деньги как ресурс группы) другими капиталами. Лидирующую позицию (58,6%) занимает категория «морально-смысловая поддержка и передача опыта». Старшее поколение конструирует для себя новую роль — хранителей ценностного каркаса общества: «транслировать знания о важных исторических событиях», «заниматься патриотическим воспитанием», выступать в роли наставников. Второй по значимости категорией (24,8%) становится трудовое участие, включающее изготовление вещей и посильную волонтерскую помощь.

Респонденты с высшим образованием чаще акцентируют внимание на наставнической и экспертной функции (профессиональные консультации, разъяснительная работа, воспитание молодежи), тогда как опрошенные со средним профессиональным образованием ориентированы на практическое созидание (изготовление вещей, помощь в быту). И в том, и в другом случае речь идет о реализации накопленного жизненного опыта в новых социальных условиях.

На уровне личных стратегий происходит показательная трансформация: доминирующей стратегией становится деятельное участие, реализуемое в трех основных формах. Во-первых, 28,5% респондентов, несмотря на объективные ограничения дохода, выражают готовность к посильной материальной поддержке, спектр которой варьируется от «перечисления небольших сумм с пенсии» до натуральной помощи «продуктами и вещами». Во-вторых, 25,2% выбирают конкретное физическое участие (практики рукоделия, участие в сборе гуманитарной помощи). В-третьих, 34,6% респондентов

фокусируются на эмоциональной и духовной поддержке (молитва, моральная помощь близким), что, в отличие от абстрактного «воспитания молодежи», характерного для оценки роли поколения в целом, маркирует переход к конкретизации и адресному участию.

Ключевым результатом данного этапа анализа стало выявление высокой доли реализованных практик. Качественный анализ глагольных форм в ответах показал, что 40,5% респондентов из числа тех, кто выразил готовность к практическому участию, описывают его как свершившийся факт или текущий процесс. Респонденты используют формулировки: «вязала носки солдатам», «плела сетки», «отправляла вещи», «я старший по подъезду, помогаю». Столь высокий показатель перехода от интенции к действию свидетельствует о том, что для значительной части старшего поколения социальное участие уже инкорпорировано в повседневность и не носит декларативного характера. Анализ личных стратегий подтверждает также тренд, выявленный на предыдущих этапах: в Ростовской области практики носят более выраженный «овеществленный» характер. Ответы респондентов здесь чаще содержат указания на конкретные действия с материальными объектами (изготовление, сбор, передача), что объясняется непосредственной включенностью в гуманитарную повестку приграничного региона.

Особый интерес представляет позиция респондентов, осознающих ограниченность здоровья и своих физических сил. Их ответ — «если удастся прожить без медицинской и социальной помощи, то это уже большая помощь государству» — демонстрирует стремление к сохранению автономии как формы ответственного гражданства.

Таким образом, сопоставление трех уровней («запрос — потенциал — личное действие») выявляет механизм социальной конверсии: не имея возможности ответить на финансовый запрос общества в полном объеме, пожилые люди креативно замещают дефицит ресурсов собственным трудом, временем и компетенциями, трансформируя готовность к участию в конкретные овеществленные практики.

Дискуссия

Полученные эмпирические результаты позволяют интерпретировать специфику реализации инновационного потенциала старшего поколения в условиях турбулентности. Ключевой результат нашего исследования — высокий уровень реальной, деятельной вовлеченности респондентов (более 40% в группе, заявившей о готовности оказывать помощь обществу, уже участвуют в тех или иных практиках). Эти данные эмпирически обосновывают актуальность смены исследовательской оптики, зафиксированную в обзоре К. А. Галкина (Галкин, 2025). Автор отмечает переход от патерналистских

моделей к восприятию старшего поколения как значимого ресурса. Наше исследование подтверждает, что эта ресурсность является не теоретическим конструктом, а социальным фактом.

Развивая данный тезис, мы предлагаем концептуализировать субъектность старшего поколения через категорию «инновационного потенциала». Анализ показал, что его реализация осуществляется не в логике пассивного приспособления, а через социальное творчество (конверсию ресурсов) в ответ на острый общественный запрос. Наш вывод о неимитационном характере активности коррелирует с позицией Ю. Стыпинской и коллег, определяющих старшее поколение как «нераскрытый драйвер социальных инноваций» (Stypinska et al., 2020). Однако если зарубежные исследователи анализируют этот потенциал преимущественно в сфере «серебряного предпринимательства», то наши данные свидетельствуют о его реализации в практиках гражданской взаимопомощи и социальной конверсии.

Выявленный нами феномен «овеществления» помощи (доминирование практик изготовления вещей и сбора продуктов в личных стратегиях) позволяет верифицировать применимость теоретической оптики Ю. Г. Волкова к анализу активности старшего поколения. Если имитация связана с производством симулякров, то действия наших респондентов производят реальный продукт, что позволяет квалифицировать их как подлинную социальную креативность. При этом наше исследование дополняет данный подход, связывая его с концепцией Ханса Йоаса (Joas, 2005). Если Ю. Г. Волков описывает качество действия (созидание против имитации), то Х. Йоас объясняет механизм его возникновения: в ситуации кризиса («потрясения привычек») люди осуществляют творческую реконструкцию своих практик, находя новые возможности для действия, исходя из доступных средств.

При этом мотивация участия носит глубоко экзистенциальный характер. Наш вывод о том, что значительная доля респондентов выбирает формы моральной поддержки и наставничества, резонирует с идеями С. И. Самыгина о поиске «нового смысла старости» в постсовременном обществе (Samygin, 2022). Мы эмпирически подтверждаем выводы В. Н. Ярской-Смирновой и С. Г. Григорьевой о том, что в культуре старения усиливается «дискурс социального служения» (Yarskaya-Smirnova, Grigoryeva, 2023). Для наших респондентов помощь является способом преодолеть кризис идентичности и сохранить чувство собственной значимости.

Кроме того, специфика выбора практик коррелирует с результатами нашего исследования факторов мотивации социального участия пожилых россиян (Астоянц, Киенко, 2024). Ранее нами было установлено, что у респондентов с высшим образованием доминирует просоциальная мотивация (стремление приносить пользу обществу), тогда как для группы с общим образованием

более значима реципрокность (принцип взаимности). Текущие данные подтверждают эту закономерность: высокообразованные участники выбирают роль «наставников» (просоциальный вклад), а респонденты с более низким уровнем образования ориентированы на конкретную прикладную помощь (реализация принципа взаимной заботы).

Наконец, зафиксированная нами популярность практик «ближнего круга» соотносится с международными данными о том, что социальное участие именно на уровне местного сообщества является наиболее доступной и естественной формой для пожилых людей (Siette et al., 2021), а также с результатами отечественных исследований региональной специфики участия (Певная и др., 2024). Наши данные подтверждают, что привычные практики добрососедства остаются фундаментом активности. При этом в условиях турбулентности (особенно в приграничных регионах) они приобретают новое качество: дворовые сообщества и соседские связи становятся эффективным инструментом для сбора ресурсов и поддержки нуждающихся. Это позволяет пожилым людям вносить значимый вклад в решение общих задач, оставаясь в комфортной для себя локальной среде.

Заключение

Проведенное исследование позволило верифицировать высокий инновационный потенциал старшего поколения россиян и выявить специфику его реализации в условиях социальной турбулентности. Установлено, что практики социального участия пожилых людей характеризуются широким диапазоном вовлеченности, выходящим за рамки локальной заботы о близких и охватывающим уровень общественной солидарности. Сравнительный анализ подтвердил, что контекстуальные факторы (географическая близость к зоне социального напряжения) выступают катализатором этой активности, стимулируя более высокую готовность к участию.

Ключевой вывод состоит в том, что выявленные практики носят неимитационный, созидательный характер. Не обладая значительным финансовым капиталом, старшее поколение реализует стратегию социальной конверсии, замещая дефицит ресурсов собственным трудом, временем и компетенциями (наставничество, рукоделие, волонтерство). Тем самым оно формирует устойчивое пространство самоорганизации, подтверждая свою субъектность и способность к созидательному ответу на вызовы времени. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение механизмов устойчивости и межпоколенческой трансляции опыта социального участия.

Список источников

Астоянц М. С., Киенко Т. С. Социально-демографические факторы мотивации социального участия пожилых россиян / М. С. Астоянц, Т. С. Киенко // Журнал исследований социальной политики. — 2024. — Т. 22, № 4. — С. 641–658. — DOI 10.17323/727-0634-2024-22-4-641-658. — EDN EJHIWU.

Волков Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 1. — С. 43–58. — EDN SBLTNR.

Галкин К. А. Особенности медиализирующего поведения в отношении пожилых людей при взаимодействиях с врачами и социальными работниками / К. А. Галкин // Гуманитарий Юга России. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 14–27. — DOI 10.18522/2227-8656.2023.2.1. — EDN BQSZEC.

Галкин К. А. Современные исследовательские тренды изучения старения в социологии / К. А. Галкин // Гуманитарий Юга России. — 2025. — Т. 14, № 3. — С. 159–168. — DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.13. — EDN QQBLXN.

Йоас Х. Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005. — 320 с.

Коленникова Н. Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности / Н. Д. Коленникова // Социологические исследования. — 2023. — № 1. — С. 154–156. — DOI 10.31857/S013216250022957-5. — EDN CLFAVI.

Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. С. Киенко // Регионология. — 2024. — Т. 32, № 3 (128). — С. 584–601. — DOI 10.15507/2413-1407.128.032.202403.584-601. — EDN OQKUJB.

Самыгин С. И. Смысл старости в контексте постсовременного общества / С. И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 16–29. — DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.1. — EDN JZLNBW.

References

Astoyants M. S., Kienko T. S. Socio-demographic factors of social participation motivation of older Russians. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki = The Journal of Social Policy Studies*. 2024; 22 (4): 641–658. (In Russ.)

Volkov Yu. G. Creative class versus imitational practices. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2012; 4: 43–58. (In Russ.)

Galkin K. A. Features of medicalizing behavior towards the elderly in interactions with doctors and social workers. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023; 12 (2): 15–24. (In Russ.)

Galkin K. A. Modern research trends in the study of aging in sociology. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2025; 14 (3): 160–173. (In Russ.)

Joas H. The Creativity of Action. *SPb: Aletheia Publ. = St. Petersburg: Aletheia Publ*, 2005. (In Russ.)

Kolennikova N. D. Russian Society in the Period of Global Turbulence: Key Challenges and Opportunities. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Research*. 2023; 1: 155–157. (In Russ.)

Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Kienko T. S. Levels of social participation of “silver” age citizens and factors of its activation in the Russian region. *Regionology = Regionologiya*. 2024; 32 (3): 588–606. (In Russ.)

Samygin S. I. The meaning of old age in the context of postmodern society. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2022; 11 (3): 317–327. (In Russ.)

Kienko T. S. (Ed.). Social participation of older people in Russian regions: Collective monograph. *Rostov-na-Donu: Printing shop Publ. = Rostov-on-Don: Pechatnaya lavka Publ*, 2024. (In Russ.)

Yarskaya-Smirnova V. N., Grigoryeva S. G. Culture of aging in modern temporality: the discourse of social service. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2023; 23 (5): 36–44. (In Russ.)

Социальное участие людей старших возрастов в российских регионах: коллективная монография / под ред. Т. С. Киенко. Ростов н/Д: Печатная лавка, 2024. 312 с. ISBN (Print) 978-5-906429-52-0. — EDN MNVPDE.

Ярская-Смирнова В. Н., Григорьева С. Г. Культура старения в современной темпоральности: дискурс социального служения / В. Н. Ярская-Смирнова, С. А. Григорьева // Вестник Поволжского института управления. — 2023. — Т. 23, № 5. — С. 36–44. — DOI 10.22394/1682-2358-2023-5-36-44. — EDN DMODJZ.

Klimczuk A., Tomczyk Ł. Editorial: Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. Lausanne: Frontiers Media SA, 2020. — P. 5–8.

Levasseur M. Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition / M. Levasseur, M. Lussier-Therrien, M. L. Biron, et al. // Age and Ageing. 2022. — Vol. 51. — № 2. — P. Article afab215.

Levasseur M. Inventory of social participation of older adults: a scoping review of the literature / M. Levasseur, L. Richard, L. Gauvin, E. Raymond // International Journal of Rehabilitation Research. 2010. — Vol. 33 (4). — P. 318–340.

Siette J. Social Participation Among Older Adults Receiving Community Care Services / J. Siette, H. Berry, M. Jorgensen // Journal of Applied Gerontology. — 2021. — Vol. 40. — № 9. — P. 997–1007.

Stypińska J. Senior Entrepreneurship: The Unrevealed Driver for Social Innovation / J. Stypińska, A. Franke, J. Myrczi // In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. Lausanne: Frontiers Media SA, 2020. — P. 158–173.

Walker A. A strategy for active ageing / A. Walker // International Social Security Review. — 2002. — Vol. 55 (1). — P. 121–139.

Klimczuk A., Tomczyk Ł. Editorial: Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population Lausanne: Frontiers Media SA, 2020.

Levasseur M., Lussier-Therrien M., Biron M. L. Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition. Age and Ageing. 2022; 51 (2): afab215. DOI: 10.1093/ageing/afab215

Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory of social participation of older adults: a scoping review of the literature. International Journal of Rehabilitation Research. 2010; 33 (4): 318–340.

Siette J., Berry H., Jorgensen M. Social Participation Among Older Adults Receiving Community Care Services. Journal of Applied Gerontology. 2021; 40; 9: 997–1007.

Stypińska J., Franke A., Myrczik J. Senior Entrepreneurship: The Unrevealed Driver for Social Innovation. In A. Klimczuk & Ł. Tomczyk (Eds.), Perspectives and Theories of Social Innovation for Ageing Population. Lausanne: Frontiers Media SA, 2020: 158–173.

Walker A. A strategy for active ageing. International Social Security Review. 2002; 55 (1): 121–139.

Для цитирования: Астоянц М. С. Инновационный потенциал социального участия россиян старшего возраста в условиях социальной турбулентности (региональный аспект) // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 75–87.

DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.6

EDN HNRYLI

Сведения об авторе

Астоянц Маргарита Сергеевна

Доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

SPIN-код: 2800-4505,

AuthorID: 492636

mastoyanc@sfedu.ru

История статьи:

Поступила в редакцию — 22.12.2025

Одобрена после

рецензирования — 20.02.2026

Принята к публикации — 27.02.2026

Information about author

Margarita S. Astoyants

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of the Department of Industrial and
Applied Sociology, Institute of Sociology and
Regional Studies, Southern Federal University

Scopus AuthorID: 57189328022

mastoyanc@sfedu.ru